

Николай Лесков

Антука

Николай Лесков

Антука

«Public Domain»

1888

Лесков Н. С.

Антука / Н. С. Лесков — «Public Domain», 1888

«На скором поезде между чешской Прагой и Веной я очутился vis-à-vis с неизвестным мне славянским братом, с которым мы вступили по дороге в беседу. Предметом наших суждений был «наш век и современный человек». И я, и мой собеседник находили много странного и в веке, и в человеке...»

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Николай Лесков

Антука

Рассказ

*«En-tout-cas» – зонтик на всякую погоду.
(Из модного прейскуранта)*

На скором поезде между чешской Прагой и Веной я очутился vis-à-vis с неизвестным мне славянским братом, с которым мы вступили по дороге в беседу. Предметом наших суждений был «наш век и современный человек». И я, и мой собеседник находили много странного и в веке, и в человеке; но чтобы не впасть в отчаяние, я привел на память слово Льва Толстого и сказал:

– Образуется!

Собеседник понял значение этого слова и продолжал:

– Это верно; но только *что* образуется-то! Было преобладающее впечатление свирепства, злости, бездушия или слабости и распушенности, и все-таки можно было предвидеть, как жизнь перетолчет это в своей ступе и что из этого образуется. А теперь преобладает во всем какой-то фасон «антука» – что-то готовое на всякий случай и годное для всякой погоды: от дождя и от солнца. Меня поражает эта удивительная приспособительность, которую я замечаю во всех слоях общества и повсюду. Неделя тому назад как я видел такой экземпляр в этом роде, что прямо в печать просится.

Я его попросил рассказать, и он мне рассказал следующее.

Глава первая

Недавно мне привелось побывать в соляных копиях в Галиции. Оттуда, когда выйдешь на землю, представляются два места для отдыха и подкрепления: можно идти позавтракать при буфете на железнодорожной станции, а можно то же самое сделать и в ближайшей «старой корчме». В корчме укромнее, проще и теплее, чем на станции.

Здесь в сырое время можно и обсушиться, и обогреться, потому что тут есть огромный кирпичный камин, и чуть холодновато – всегда тлеет толстый обрубок дерева, а вокруг него весело потрескивает и издает здоровый, смолистый запах зеленый вереск.

Там, на «бангофе» – Европа, а здесь, в корчме – еще «stara Polska».

Я бываю в той местности раза два в год и знаю тамошнюю корчму много лет назад. Когда тут не было железнодорожного «бангофа», корчма была единственным приютом для путников, а теперь она занимает второе место, но я ей все-таки верен.

Лета мало изменили корчму. Тот же низенький, старопольский фасад и тот же грязноватый ход через сени с вытопанным кирпичным полом и с тяжелыми столами, покрытыми не совсем чистыми ширинками грубой ткани. В огромном камине и теперь пылает огонь, в стороне перегородка, и в ней квадратное оконце, за которым находится главное место хозяйина. Перед оконцем полка и на ней неизысканная выставка закусок: жареный гусь, обложенный кисло-сладкой капустой; бигос из колбас и капусты; зразы с кашей, с хлебом и капустой; капустняк с фаршем; жареная серна и мелкая дичь, прошипованная салом, и, вдобавок, щука по-жидовски с шафраном. В графинах водка, наливки разных цветов, бочонок с пивом и наш добрый красный гольдек в полубутылках. Впрочем, над прилавком есть надпись, что здесь еще можно иметь старый мед, и тут же иллюстрированный прейскурант, в котором значится несколько названий венгерских вин, между которыми подчеркнут «маслач». Патрон большой краковской корчмы это вино особенно рекомендует.

Но самое замечательное здесь собственно в самом патроне, и с него начинается дело. И корчма, и мед, и бигос – это все старого типа, а в патроне есть обновление во вкусе «антука». Нынешний патрон здесь с прошлого года и он мне не знаком, но предместник его внушал мне большие симпатии. Это был пожилой, сухощавый и очень медлительный в своих движениях поляк. Его звали пан Игнаций. Он был человек задумчивый, точно он нес на себе судьбы мира и по дороге зашел в корчму, присел у прилавка, пригорюнился и начал хозяйствовать, но совсем без удовольствия, так как это не его дело. В таком грустном, но благородном настроении он здесь состарелся и умер, все размышляя о Польше и о «ракушанских швабах». Теперь вместо почтенного Игнация за буфетом не сидит, а мотается новый арендатор – человек более молодой и несравненно более подвижный, даже чересчур подвижный и говорливый. Зовут его пан Мориц или «гер Мориц», – кому как угодно, – он на все откликается. (Игнаций никогда на «гера» не откликался.)

Между паном Игнацием и Морицем во всем огромная и страшная разница: они и по характеру, и по темпераменту, и по воспитанию совсем разные типы.

Игнаций представлял из себя нечто поэтическое и вдохновительное, – особенно для нашего брата-славянина: это был матерый, чистокровный поляк, – «шляхтич на огороде равный воеводе». Он ходил в темной чемарке из довольно грубого, но зато настоящего, «хозяйственного», польского сукна, в панталонах, заправленных в сапоги, которые называются «бутбми», и в поясе с бляхой. Лицо он имел красивое, смуглое, с таинственным и мрачным выражением. Высокий лоб его осенял высокий же с проседью черный чуб, а над устами его простирались огромные черные с проседью усы. В глубоких карих глазах Игнация жила какая-то поэтическая, с ним навеки умершая тайна. Он мне очень нравился, и я остаюсь в том убеждении, что снедавшая его тайна была в своем роде что-то благородное и грустное.

Теперешний принципал корчмы, пан Мориц, с первого взгляда производит совсем иное, как будто легкомысленное впечатление. Он среднего роста, проворен, вертляв, с тонкими чертами лица, голубыми глазами и точно выточенным тонким носом, на котором у него ловко сидит маленькое стальное ринсе-пез без шнурка. В лице и фигуре Морица не отпечатлелся никакой национальный тип. Он с одинаковым удобством может быть принят за поляка, как и за чеха или за венского немца. По-видимому, национальность даже нисколько и не занимает Морица: он даже, может быть, нарочно устроил себе такой туалет, чтобы в нем не было никакой цельности. Он весь человек сборный. Во-первых, у него на голове, покрытой густыми русыми волосами, красуется французская бархатная ермолка, расшитая шелками и бисером (бархат довольно просален, а шитье местами осыпалось), потом ринсе-пез в дрянной стальной оправе, надетое без шнурочка. Это ринсе-пез у него соскакивает с переносицы от одного движения бровями и всегда непременно падает к нему прямо в руки. Потом на Морице серая пражская куртка с зелеными выпушками и с пуговицами неполированного оленьего рога, а под нею поддет длинный коричневый жилет, сшитый камзолом, в стиле Фридриха II. Из кармана свешивается часовая цепочка из фальшивого золота и торчат два огромные железные ключа.

Нижний этаж фигуры Морица напоминает танцмейстера. На нем легонькие панталонцы из самого тонкого светленького трико, а из-под них внизу видны красные шерстяные носки и туфли из моржовой кожи шерстью наверх.

Что содержится на уме у Морица и какое у него прошлое – это на его лице ничем не выражено.

Мориц говорит с одинаковою бойкостью и свободой как по-польски, так и по-немецки, и притом не выказывает ни к одному из этих языков никакого предпочтения. По-видимому, ему то и другое совершенно все равно. С удовольствием и улыбкою он только произносит некоторые фразы по-французски.

Фразы эти Мориц, по собственной его откровенности, усвоил в Париже, где он побывал, состоя барабанщиком при одном из «победоносных региментов», повергших Францию в лапы прусского орла, через «неожиданный оборот милостию Божией».

Мориц – познанский поляк; он затесался к австриякам как-то случайно, а может быть и умышленно – тоже, чтобы сделать «оборот милостию Божиею».

Человек, одаренный особенно счастливо проницательностью и внимательно всматриваясь в его лицо, может быть, подумал бы, что Мориц изрядный плут, способный вести довольно сложную и ответственную игру, но в нем тоже бездна болтливости и легкомыслия, с которыми плутни вести неудобно. Прежний задумчивый патриот Игнаций непременно вспоминается и в сравнении с Морицом представляет какое-то поэтическое олицетворение «оных минувших рыцарских веков». Мориц – выжига, но зато он ни над чем не задумается и нигде не потеряется.

Глава вторая

Когда я взошел в корчму, в ней было всего только три человека: охотник с ружьем, сидевший в углу за газетой и за кружкой пива, да очень старый еврей в шелковом капоте. Этот помещался у маленького столика, на котором перед ним стояла горячая вода, маленький флакончик гольдека и корзинка с поджаренным белым хлебом. Он представлял из себя застывающую жизнь и отогревался теплым вином с водою. В окне стоял и в упор смотрел на меня в рінсепез пан Мориц. Он стоял неподвижно всего одну минуту, но зато так стойко, как будто это был портрет, вставленный в раму.

Я сейчас же заметил, что имею дело с человеком нового духа.

Игнаций никогда не находился в такой бойкой и проникающей позиции. Тот, бывало, всегда сидел на особливом этаблисмани, обитом черною кожей, и ни за что не беспокоил себя, чтобы смотреть на входящего посетителя и определять себе, коего духа входящий? Это было бы слишком много чести для всякого. Игнаций держал свою задумчивую голову, опустив лицо на грудь или положив щеку на руку.

Входящий гость – кто бы он ни был, все равно, черт его возьми, – сам прежде должен был сказать Игнацию первое приветствие, и только тогда он мог ожидать к себе ответного внимания. Но теперь, едва я переступил порог, как Мориц уже залепетал мне навстречу:

– Бонжур мосье! Мете ву плас!

И главное: «мете»! От кого он это слышал в Париже? Верно это ему так перешибло за барабанным боем.

Но еще я не собрался ему ни слова ответить, как он уже дальше зачастил:

– Коман са ва? Кё дезире ву?

С этим он выскочил из-за перегородки, шаркнул своими туфлями и, подвинув мне стул к одному из столов, проговорил:

– Асее ву. Нузавон кельке шоз а вотр сервиз.

Вместо ответа я вручил ему карточку моего краковского знакомого, которым был сюда адресован и которого я должен был здесь дожидаться.

Мориц взглянул, сказал: «тре бьен» и сделал такое движение бровями, от которого пенсне спало и моментально прямо с носа слетело в открытую левую руку. И замечательная вещь: как пенсне соскочило с лица Морица, так словно спал с него и весь его прежний шельмоватый вид; он точно нашел, что меня не стоит рассматривать с особенно серьезной точки зрения, и начал пошаливать: во-первых, он сразу упростился в выражении и заговорил по-польски.

– Чем же смею потчевать, пока придет ваш приятель? Есть у меня, пане доброздею, гусь, и самый прекрасный гусь, кормленный чистым хлебом. В буфет на бангоф берут гусей у мазуров, но я не беру. Важных панов, которые кушают в бангофе, можно начинать чем угодно, лишь бы был соус с каэнной, но у меня собирается почтенная шляхта, – люди хозяйственные, которые знают, что такое мазурская домашняя птица. Их гуси, откровенно сказать, всегда пахнут травой. Есть утка светская и утка дикая. Дикая – свежихонькая, вчера только застреленная, и сам стрелок здесь налицо: вот он, пан Целестин, который читает газеты и проникает во все тайные соображения Бисмарка. Я ни у кого не покупаю уток, кроме пана Целестина. Есть также бигось с капустою до услуг панских; есть зразы, есть воловья печень, или, чем уже могу похвалиться, есть добрая полендвица; но есть также и шинка, – настоящая польская, а не немецкая шинка – и жидовский щупак с шафраном... Что? Как вам это нравится? Щупак отлично приготовлен. Знаете – щука в своей коже. Я вам особенно рекомендую эту штуку. Вот реби Фола, – израэлит, а и он сейчас бы скушал при благословении Божиим, но не смеет, потому что боится своих почтеннейших израэлитов. Он еще наблюдает «кошер».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.